

ВЕЛИКИЙ ДРАМАТУРГ И АКТЕР

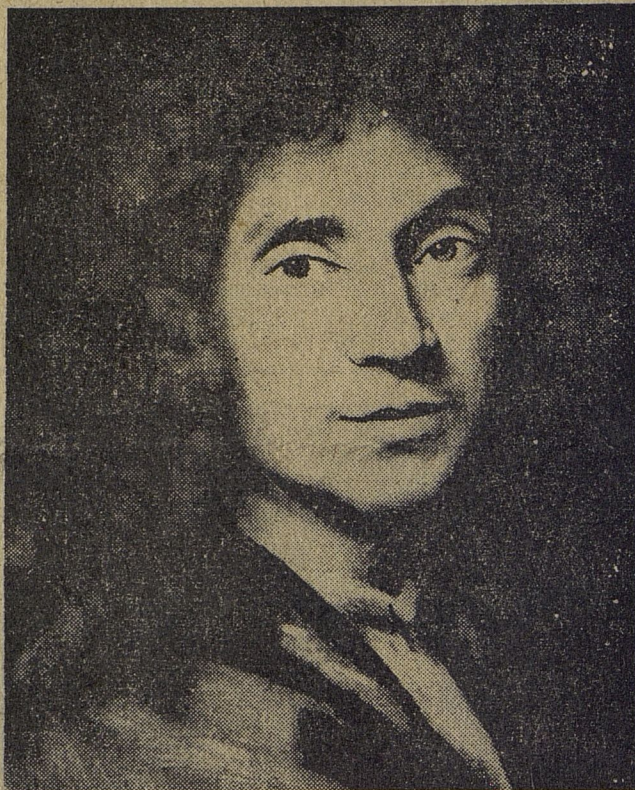
К 350-летию со дня рождения Жана Батиста Мольера

ЧЕТВЕРКА: тощих быков тянет повозку, на которой высится груда чемоданов, узлов и рулонов размаляванного холста. На вершине этой пирамиды красуется женщина, одетая с вызывающей роскошью. А рядом, стараясь ступить след в след (на проселочной дороге непролазная грязь), двигаются странного вида люди. Один, с перевязанным глазом, в красном фригийском колпаке, — несомненно, корсар. Другой, в сандалиях античного образца и с саблей, — должно быть, греческий воин. Позади идут еще пять-шесть не менее живописных фигур.

Так или приблизительно так выглядела в 1645 году на улицах одной из французских провинций бродячая труппа актеров.

Театральный кошелек пуст, нечем заплатить за помещение, где вечером должно состояться «единственное представление остроумнейшей комедии, бичующей пороки и восхваляющей добродетели», комедии, написанной мсье Мольером. А вот и он сам, задумчиво бредущий во главе необычного шествия. Что, если пьеса провалится? («Гнилые яблоки и свистки — не такая уж приятная штука»). Но молодой драматург верит в себя, хотя поводов для оптимизма маловато. Буквально на днях прогорел в Париже созданный им Блистательный театр («Спешите! Спешите! Масса удовольствий! Грошковые билеты! Парад масок!»). Нет, итальянская «коммедия дель арте» видать, в чем-то пришлась зрителям не по вкусу.

Провинция, надо пола-

гать, будет снисходительнее.

И вот, вопреки вердиктам муниципальных властей, на импровизированной сцене вновь раздвигается занавес.

Не так уж трудно представить нам сегодня «антураж» тогдашнего спектакля. Бедняки-актеры, убогие декорации, спешивая знать, старающаяся занять места чуть ли не на сцене (увы, скоро в Париже это будет считаться нормой), капельдинер со пшайгой, который вчера здорово проучил какого-то театрального «зайца». Правда, потом пришлось пла-

тить штраф: «заяц» оказался титулованным.

Но представим также гул одобрения и восторга, идущий из задних рядов — оттуда, где простая публика, не отрываясь, слушает и смотрит, и потом взрывается одобрительными криками: «Автора, автора!». Что ж, он поднимется на сцену, он поблагодарит, хотя сам понимает, что вышедшие из-под его пера и ожившие на подмостках веселые фарсы пока еще только отголоски драматургии средневековья и Ренессанса. Но зато национального, французского, а не чужеземного! И Мольер

вновь и вновь раскланивается перед почтеннейшей публикой. Хула и брань, всякий раз сопровождавшие его выступления в качестве героя душераздирающих трагедий (было и такое), наконец, смолкли. Надолго ли?

Прошло тринадцать лет, и он вернулся в Париж. Кое-кто из сограждан еще помнил его, сына почтенного буржуа, владельца обойной мастерской Жана Поклена (Мольер — это псевдоним). К тому времени слух о передвижной труппе (уже не «бродячей») докатился до короля Людовика XIV.

И вот — Лувр. В ложах — сам король, придворные дамы, сверкают яркие костюмы. На сцене классицистическая трагедия со всеми ее атрибутами — античной тематикой, роковыми страстями и неизменным кровавым финалом. За кулисами нервно потирают руки Мольер: сейчас его выход. Но пьеса Корнеля, признанного мэтра классицизма, почти не имеет успеха. Теперь мсье Жан Батист знает, что делать. После закрытия занавеса он поблагодарит его величество «за доброту, с которой оно прощает его недостатки и недостатки его труппы, с трепетом выступающей перед таким высоким собранием». Он добавит, что «страстное желание развлечь величайшего в мире короля» заставляет его «униженно молить его величество милостиво разрешить представить один из тех маленьких дивертисментов, которые он давал в провинции и которые стяжали ему некоторую известность».

Этим «дивертисментом» был одноактный фарс «Влюбленный доктор», в

котором Мольер превосходно играл главную роль. И вдруг — о, чудо! — сам король кружевным платком вытирает смехливые слезы. Ему вторят аристократы. Судьба актеров решена: высочайшим повелением им предоставлено звание придворного театра Пти-Бурбон. Но представим себе и другую картину: красные от гнева лица столичных вельмож, когда г-н Мольер («он уже и «господин», этот проклятый лицедей») сотворил на сцене настоящий паноптикум, в котором им было очень легко узнать себя.

Вот в театре Мольера идет одноактная комедия «Смешные жеманницы». Для нынешнего театрального вечера — это опять «гарнир» к изысканному блюду — трагедии Корнеля «Цинна». Несмотря на скромное положение комического «привеска» к большой серьезной пьесе, «Смешные жеманницы» имели колоссальный успех. Зрители издали съезжались на представление.

После «Жеманниц» ставится «Снаребель» (идущий также как дополнение к корнелевской трагедии «Никомед»). Новинке вновь аплодирует монарх.

«Урок мужьям» — так называется его новая комедия. Злая, насмешливая сатира на отжившие супружеские, семейные нормы и догматы, смелая попытка взорвать арматуру домашних стен, сложных феодальным сознанием. Занавес закрывается под громкий смех, аплодисменты и... недовольное ворчание ревнителей старины и домостроевщины.

Двенадцатого мая 1664 года на устроенном в Версале королевском празднестве состоялась премьера

новой комедии Мольера «Тартюф или Лицемер». О таком благоприятном поводе для новой литературной травли его противники только и мечтали: подумайте только, Мольер замахнулся на святая святых — ортодоксальную добропорядочность религиозную мораль! И Мольер прекрасно представлял силу ответного залпа. Атмосфера всеобщего, вопиющего ханжества, показного святоства и лицемерия — это была своего рода «мафия», действовавшая под названием «Общество святых даров». Подульгальное, оно пользовалось покровительством самой Анны Австрийской (французская королева спешила предать забвению некоторые свои грешки. Лишь спустя двести лет о них узнают историки и читатели из «Трех мукетеров» Дома). Это общество направляло своих ставленников в дома заподозренных в вольномудстве лиц для тайного надзора и шпионажа. Поистине, Мольер раздражил осиное гнездо: в первом варианте комедии Тартюф появлялся в монашеской сутане. Потом под давлением церковной цензуры он, правда, представлялся перед зрителями в светской одежде, но имя лицемера-монаха стало уже нарицательным.

Трудно представить нам через 350 лет после рождения великого драматурга ту идейно-социальную почву, питавшую тартюфов. Но не так уж трудно представить себе тип ханжи, спекулирующего высокими словами, способный выбить почву из-под ног легковых граждан.

Мольер жестоко посмеялся и над богобоязненным Оргоном, и над святошей-демагогом Тартюфом. И сегодня остается только поражаться, насколько пронипателен был этот безмерно далекий и столь же близкий нам человек, с гусиным пером, в руке ополчившийся на все бесчеловечное в мире.

Г. МЕНШИКОВ,
преподаватель СамГУ.